

НЕ ТАК давно, беседа с актерами, режиссерами театров Москвы, Паневежиса, Воронежа, я пробовал составить нечто вроде рецепта молодости: «Какое качество, свойство определяют, на ваш взгляд, само понятие «молодость» — вне зависимости от возраста?»

Мне отвечали: — Здоровье. Духовное, конечно. Ну и... физическое тоже.

— Одержимость. — Беспокойство. Азартное отношение к жизни, к работе. — Жизнерадостность...

Так много всего говорилось в ответ на мой вопрос, что, кажется, из этих компонентов давно можно было бы составить архиподробнейший рецепт. Рецепт молодости.

Но вот еще одна встреча, еще один вопрос, еще одна точка зрения. И, оказывается, рецепт все еще можно дополнять, как дополнило его недавно знакомство с человеком, только-только разменявшим восьмой десяток лет.

Крик из ложи

ШЛА сцена в спектакле «Сады цветут», когда из режиссерской ложи послышалось встревоженно-недовольное: «Да что ж вы делаете?!».

Вздрыгнули первые ряды. Вздрыгнули актеры.

Окрик из ложи принадлежал режиссеру спектакля.

— Это, конечно, случай уникальный, — говорит Вениамин Семенович, улыбаясь, — но уж так «посади-ли» они тогда диалог, что не утерпел я, крикнул...

В этом человеке беспокойство нашло для себя неиссякаемый источник. Более полусотни спектаклей поставил он только в драмтеатре. И когда бы и сколько раз ни шли они, всегда из ложи внимательно и взволнованно следит за сценой режиссер.

Порой не утерпит, выскокит, забежит в гримерку, делает замечание актеру, иногда похвалит. А бывает: так хочется выговорить накопившееся на душе за время только что прошедшей картины, да нельзя. Нельзя в этом конкретном случае — имен-

но сейчас можно «сломать» актера или обозлить его, или обидеть в горячке спектакля. Надо терпеть. Терпеть и весь свой риторический пыл законсервировать на листке для заметок с тем, чтобы потом...

Перед выпуском каждого спектакля Вениамин Семенович чуть не плачет. Ему кажется: все не так, времени не хватает, массовки неточны, с костюмами — сплошные накладки, у героини сегодня глуховатый голос и вообще впереди — пропасть, в которой грохочут гибельные камни.

Но вот приходит час премьеры, и пропасть оказывается добрым и чутким зрительным залом, в котором грохочут живительные аплодисменты. И уже ясно всем — успех.

И давно уже публика вызывает на сцену постановщика. Но даже на поклоне беспокойство не оставляет этого человека...

Полвека беспокойства в театре. Из них 37 лет — в Свердловске. Беспокойства, которое сохраняет здоровье спектаклям.

Не случайно среди постановок Вениамина Семеновича столько долгожителей: «Семья», «Антоний и Клеопатра», «Сильные духом», «На той стороне». А «Даманевидимка»? Более двухсот раз являлась она публике. Беспокойство продлевает жизнь старым спектаклям, помогает рождению новых.

Покрой и хлястик

НОВОЕ тоже бывает разным...

Вы пришли к портному и просите его сшить новый костюм, каного ни у кого нет. Один мастер возьмет старый покрой, известный, и внесет в него ряд изменений: липкий нарман, три липкие пуговицы. Другой начнет с поисков нового покроя. Больше ответственности, зато работать интереснее. Жажда первооткрывательства... Свойство молодости...

Может показаться удивительным, но одна из первых постановок пьесы «Сомов и другие» М. Горького состоялась на свердловской сцене. Спектакль ставил Вениамин Семенович. И здесь же впер-

вые получили сценическую жизнь «Горное гнездо» и «Золотая ночь» Д. Мамина-Сибиряка, «Звезды не могут погаснуть» Б. Ромашова, и совсем недавно — «Дама сердца прежде всего» Кальдерона.

Издан ли новый сборник пьес, опубликовано ли интервью с драматургом, обмолвился ли кто-то о готовящемся переводе с испанского — все может стать началом открытия... Если поиск ведет человек одержимый.

Такой, как Вениамин Семенович. Азартный человек.

Азарт

ГОРЯЧНОСТЬ, задр., обнаженный нерв, взволнованное ожив-

стихи читает, вслух». — Природа, чистый воздух... Все это прекрасно. И все же рыбачить люблю больше всего из-за азарта. Стоишь, ждешь часами, не шелохнешься — и все для того только, чтобы дрожь испытать. Как в театре.

Взрывы и аплодисменты

ЭТО было в начале 1943 года. На фронте. Чудом уцелевшая от бомб и снарядов большущая изба, копилки из снарядных гильз и — зрители: бойцы, усевшиеся на полу перед сценой. Они сюда — прямо с передовой.

Пятнадцатилетний Вениамин читал Луначарского, отчаянно спорил на диспутах со «служителями культа» и однажды обнаружил, что в городе полным-полно театральными и изокружков. Это открытие имело свое продолжение: с двадцати двух лет он стал актером с высшим образованием. Потом два года — красноармеец. И снова — актер. Он много играет. До сих пор одной из любимейших им остается роль Павки Корчагина, которую играл он уже в Свердловском ТЮЗе, более трети века назад.

Потом стал режиссером. Если сложить актера с философом — как раз, наверное, получится режиссер, такой, как Битюцкий.

РЕЦЕПТ МОЛОДОСТИ

дание желаемого. Все это, вместе взятое, пожалуй, и составляет смысл понятия — азарт.

Азарт — спортивное качество. Но если в спорте, как правило, он сочетается с хладнокровием, то искусству хладнокровие практически противопоказано.

Особенность искусства — взволнованность. Где нет взволнованности — нет искусства. Может быть мастерство, имитация, но — не искусство.

...Два занятия Вениамин Семенович знает, кроме искусства.

— Книжки. Прежде всего — книги. В книге я люблю все. Внешний вид, даже запахи. А когда бегаешь, достаем ту или иную новинку, такой, знаете ли, азарт появляется — куда там! Кстати, вы слышали? Скоро выходит двухтомник Готье. Как бы не прозевать!

Это — первое занятие. Есть еще второе. Рыбалка.

Один из актеров, постоянных его сотоварищей по этому увлечению, уважительно промолвил: «О, Вениамин Семенович — серьезный рыбак. Но при этом как-то гляжу, дочку забросил, а сам на рыбалку не смотрит. Тихонько подсел я к нему, слышу: он

Вениамин Семенович по праву руководителя бригады объявил: «Выступают артисты свердловских театров!». Потом были выступления, взрывы аплодисментов и... просто взрывы, которые здесь не прекращались и до, и после концерта.

А завтра — еще концерт. Та же программа.

Бывало, в нескольких метрах рванет мина — да так, что взрывной волной всполошит пламя в «тесной печурке...»

Потом, в марте сорок третьего, бригада уедет в душной теплушке. И говорить будет не столько даже о великой силе искусства, сколько о лучших в мире зрителях — бойцах Красной Армии.

Плюс философ

ВЕНИАМИН Семенович в детстве мечтал быть актером или философом.

Сын школьного сторожа и чернорабочей, он, быть может, еще самому себе боялся признаться в этом, когда мальчишкой читал стихи у новогодних елок. Это было еще в Саратове.

А потом пришла Революция.

На мой вопрос об определяющем свойстве молодости он ответил:

— Живость реакции на окружающую жизнь, внутренний ритм: все вокруг интересно, а дальше — еще интереснее.

На одной из репетиций недавно вышедшего спектакля «Лошадь Пржевальского» не очень получалось исполнение песни в предложенных постановщиком мизансценах. И тогда на сцену выбежал сам режиссер, седой и сухощавый человек. И, прыгая, ложась на станок, доказывал, доказывал наглядно, что в любой позе можно быть лихо, в любом движении. И он в продолжение всей этой сцены лихо пел: «Сивка-бурка! Вещая каурка!»

Я был в зале в тот момент и думал о том, как порой нам, молодым, сильным, недостает такой вот молодости семидесятилетнего человека — Вениамина Семеновича Битюцкого, народного артиста РСФСР, боевого режиссера. Человека, по-настоящему взволнованного искусством.

Э. ВЕРИГО,
зав. литературной частью Свердловского драмтеатра.

125